— Итак, понимаешь, мама, — закончила Стефани, кратко подытожив встречу с главным рейнджером Шелтоном, — это огромная честь. Что ты думаешь?

Прежде чем ответить, Марджори Харрингтон заправила прядь вьющихся каштановых волос за ухо — жест, который означал, что она глубоко задумалась. В её карих глазах было только заинтересованное любопытство, когда Стефани рассказала ей о предложении главного рейнджера Шелтона. Теперь острый ум, который соединял и разрезал гены практически всего, что росло, работал над плюсами и минусами новой возможности её дочери.

Излишне говорить, что Стефани рассказала отцу о предложении во время полета в имение Харрингтон. Не сделать это было бы нехарактерно для неё, и последнее, чего Стефани хотела — чтобы её родители догадались, насколько она сама нерешительна. Судя по ответу отца, Стефани довольно хорошо представляла, что скажет её мать. Она не была разочарована.

— Сбрось информацию на мой компьютер, хорошо? Я хочу сама просмотреть её, а затем поговорить с твоим отцом. А как ты сама к этому относишься, Стеф?

— Я воодушевлена, — сказала Стефани. — Это огромная возможность. Хотя… Три месяца на Мантикоре — большой срок. Мантикора совсем не похожа на Сфинкс.

Марджори кивнула. — Как ни странно, это может быть лучшей причиной для твоей поездки. Я знаю, что ты безумно любишь Сфинкс, но, возможно, тебе стоит увидеть что-нибудь на других планетах, прежде чем ты почувствуешь, что тебе здесь тесно. Ты сначала не очень любила Сфинкс, помнишь?

— Мама! Это была зима! Теперь прошли весна и лето, и скоро будет осень.

— А потом зима придет снова.

— Да, но теперь я так много знаю о Сфинксе, что почти с нетерпением жду зимы. Мне не терпится увидеть, как животные и растения справятся со всем этим снегом. Раньше мне не разрешалось никуда идти, если со мной не было тебя или папы, помнишь?

— Тебе было всего десять, — мягко ответила ей мать.

— Вот именно!

— Тем не менее, Стефани, чем больше я думаю об этом, тем лучше выглядит идея дать тебе хорошо провести некоторое время на другой планете. Заметь: я не говорю, что даю разрешение, просто я вижу в этом несколько хороших моментов. Ты просто немного навязчива — я не могу понять, откуда у тебя эта черта: мы с твоим отцом определенно никогда не были навязчивыми, — и тебе было бы неплохо стать более уравновешенной.

Поскольку Стефани знала, что оба её родителя вполне способны быть достаточно сосредоточенными — ее мать, как известно, проводила целые ночи без сна, ожидая, когда распустится какой-нибудь редкий цветок, чтобы собрать пыльцу — она знала, что ее дразнят. Тем не менее, она не могла подавить определенное беспокойство. Она рассчитывала, что хотя бы один из её родителей будет сопротивляться этой идее (на всякий случай, если она решит отказаться), но до сих пор они оба были на удивление одобряющими. Она подумала, что главный рейнджер Шелтон мог немного намекнуть им — раз или два, несмотря на его заверения.

— Я перешлю эту информацию с унилинка на твой компьютер, — сказала Стефани. — Могу я помочь с обедом или ещё с чем-нибудь?

— Было бы прекрасно…

Вечером разговоры были сосредоточены на домашних вопросах. В конце концов Стефани извинилась.

— Я обещала показать Дейси тот водопад Джессики, который она хочет нарисовать завтра, — напомнила она им. — Она и Андерс заберут меня довольно рано, поэтому мне нужно немного поспать.

— Но ты вернешься достаточно рано, чтобы обсудить всё это, верно? — сказал Ричард. — Мы должны дать СЛС свой ответ, так что надо бы провести семейный совет.

— Конечно, — сказала Стефани. — Не вижу проблем, чтобы вернуться вовремя.

Уединившись в своей комнате, Стефани подумывала позвонить Джессике. В конце концов она решила, что пока её собственные чувства настолько неопределенны, даже разговор с её лучшей подругой не поможет. Вместо этого она долго сидела за своим столом, обдумывая варианты, в то время как слайд-шоу ее любимых голографических изображений из времени, которое она провела с Андерсом, маршировало по её столу. Когда она в конце концов упала в кровать, те же образы — оживленные и делающие загадочные заявления — прошли через её сны. Стефани подумала, что где-то в том, что они сказали, был ответ, который ей был нужен, но когда она проснулась на рассвете, образы снов исчезли и осталась только неопределенность.

* * *

— Привет, доктор Ричард, — сказал Андерс, когда отец Стефани открыл дверь большого, гулкого каменного дома. — Стефани готова?

— Доброе утро, Андерс, — ответил доктор Харрингтон. — Стеф побежала наверх за чем-то. Могу я предложить тебе кофе?

— Мы с Дейси уже пили утром, — сказал Андерс, — но я мог бы выпить ещё. А вы опять всю

ночь не спали?

Ветеринар кивнул, направляясь на кухню. — Салим звонил из клиники. У нас есть два малыша-попрыгунчика с какой-то респираторной инфекцией, и у одного случился кризис. Вероятно, реакция на антибиотики. Мне не пришлось прилетать — Салим сам хороший ветеринар — но мы консультировались, пока не вытащили пациента.

— Вы сделали это? — Андерс принял большую кружку дымящегося горячего кофе и с благодарностью отпил. Стефани предпочитала сладкий, но ему нравился более горький.
— Поздравляю!

— Спасибо. Я думаю, они оба справятся, но иногда я тоскую по дням, когда моя практика состояла из собак и кошек, и средств, проверенных веками лечения.

Андерс ухмыльнулся. Он знал, что доктор Харрингтон мог быть мелодраматичным. Правда заключалась в том, что он был опытным ксеноветеринаром, который лечил множество существ неземного происхождения ещё на Мейердале.

Он услышал, как Стефани спускается по лестнице с обычной головоломной скоростью. Мгновение спустя она ворвалась на кухню, Львиное Сердце с изящной грацией бежал рядом с ней, а её дорожный рюкзак качался на одной руке.

— Извини, Андерс. Я вспомнила, что забыла принести те дополнительные сети, которые у меня есть для твоего отца.

Как всегда, сердце Андерса радостно забилось, когда он увидел Стефани Харрингтон. Он знал, что она не думала много о своей внешности. Она думала, что она невысокая, что её волосы слишком вьющиеся и слишком скучно каштановые. Он знал — больше наблюдая за реакцией Стефани, чем потому, что она действительно признавала это, — что она завидует девушкам с более пышными формами, таким как Джессика или Труди. Он несколько раз пытался сказать Стефани, что пышные формы — это хорошо, но как объяснить девушке, что она напоминает тебе орла, летящего на ветру, или оленя, прыгающего с гибкой грацией? Получится не то, что ты хотел сказать, особенно когда отец девушки был ветеринаром, и она была склонна думать о животных с очень практической точки зрения.

— Папа будет очень рад получить эти сети, — заверил её Андерс, не добавляя — если ему будет позволено вернуться на Сфинкс. Это было то, что они со Стефани по негласной договоренности решили не обсуждать. — Он никогда не устает сравнивать один физический артефакт с другим, — продолжал Андерс, — даже если для большинства из нас все они выглядят почти одинаково.

— Прекрасно! — ответила Стефани, оборачиваясь, чтобы быстро обнять отца. — Я вернусь к ужину. Напомни маме не рассказывать Джессике, ладно? Я хочу сделать это сама.

—Хорошо, — сказал доктор Харрингтон. — Напомню.

Андерс подумал, что этот разговор был очень странным. За последние шесть месяцев Стефани и Джессика так сблизились, что иногда он просто немного ревновал. Он предположил, что их близость связана с тем, что обе были приняты древесными котами, но, возможно, это потому, что они обе были девушками. В любом случае, даже при том, что они не тратили много времени на хихиканье над одеждой или прическами, были времена, когда он чувствовал себя совершенно обделенным. Что Стефани не сказала бы Джессике?

Может быть, скоро день рождения Джесс или что-то в этом роде, подумал он, и Стефани собирается сделать покупки. Он решил спросить позже. Джессика Ферисс тоже стала его подругой, и он не хотел пропустить её день рождения.

— Могу я помочь понести это? — спросил он Стефани, когда они направлялись к тому месту, где он припарковал арендованный аэрокар.

— Мне не трудно, — заверила она его. — Это не так тяжело, как выглядит.

Андерс не возражал. Он привык к тому, что Стефани, несмотря на свою миниатюрность, была намного сильнее него. Она легко передвигалась в 1,35 g Сфинкса, не нуждаясь в антиграве, который Андерс носил днём и ночью, во сне и бодрствуя. Он полагал, что это не беспокоит его потому, что Стефани будет первой, кто напомнит ему, что она ничего не сделала, чтобы заработать дополнительные силы. Все Харрингтоны были джинни — генетически модифицированными людьми. На их родной планете Мейердал было создано несколько разновидностей, предназначенных для того, чтобы помочь людям справиться со средой, жить в которой в человеческом неулучшенном облике они были не намерены. Андерс не знал всей степени этих изменений, но он знал, что Стефани была сильной и стойкой. На ней всё хорошо заживало. Он не знал, был ли интеллект Стефани — она была пугающе умной — результатом генетических модификаций или просто удачей. В конце концов, оба её родителя очевидно были умны.

Конечно, у мутаций Стефани были свои недостатки. Самым очевидным недостатком был её огромный аппетит. В большинстве случаев это означало, что она просто перемалывала еду, не набирая ни грамма веса, но однажды в походе дополнительная упаковка съедобных батончиков, которую они взяли с собой, упала в ручей. Если бы Львиное Сердце не принёс какие-то странно выглядящие орехи, Стефани бы страдала от голода.

Андерс знал по собственному опыту, что люди могут есть многое из того, что растёт на Сфинксе. Конечно, если бы люди ели только ту пищу, которая была родной для Сфинкса, они в конечном итоге страдали бы от недоедания. Но совместимость означала, что планета, несмотря на её высокую гравитацию и относительно прохладный климат, на самом деле была довольно дружелюбной для людей. Дружелюбной, пока нечто не выпрыгивало из болота и не пыталось тебя съесть…

Андерс усмехнулся при воспоминании. Спустя время приключение определенно выглядело забавнее, чем тогда, когда оно происходило.

Аэрокар был пуст, когда они подошли к нему, но Андерс не удивился.

— Дэйси? — позвал он.

— Подойдите сюда, только на секундочку. Я вижу кое-что, что хотела бы зарисовать.

Он и Стефани подняли глаза как раз вовремя, чтобы увидеть высокую, худую, пожилую женщину, плывущую с нижних ветвей одного из многочисленных королевских дубов, украшавших территорию вокруг дома Харрингтонов. Она отрегулировала свой антиграв, не доходя до земли, и совершила легкую посадку, что говорило о большом опыте использования устройства.

— Доброе утро, Стефани, — весело сказала Дейси Эмберли. — Надеюсь, твои родители не возражают: свет, проходящий сквозь листья, особенно когда они приобретают этот особый золотистый оттенок, был для меня слишком сильным соблазном.

Стефани ухмыльнулась и уложила рюкзак в аэрокар. Львиное Сердце вскочил, устроился на одном из сидений у окна и мяукнул, чтобы ему приоткрыли окно и он мог чувствовать запахи. Андерс занял место пилота и выполнил просьбу древесного кота.

— Осенний свет слишком силён и для мамы, — сказала Стефани. — Это только наша вторая настоящая осень здесь, на Сфинксе: мы приехали сюда поздно осенью прошлого года, когда уже приближалась зима. Мама рисует или фотографирует каждую свободную минуту. Она хочет выполнить серию сезонных картин.

— Я понимаю, — согласилась Дейси. — Мы живём здесь почти полный стандартный год, и, насколько я понимаю, Сфинкс существует в вечном конце лета, хотя изменение цвета деревьев за последние пару стандартных месяцев и заставляет меня поверить в осень...

— Если вы всё ещё будете здесь, — засмеялась Стефани, — я могу сказать, что вы серьёзно поверите в зиму. Слово даю!

Полёт к водопаду, который она описала Дейси, был наполнен разговорами, в которых Сфинкс и Мейердал сравнивались с Урако и несколькими планетами, на которых Дейси жила в течение своей долгой жизни. В конце концов Андерс опустил аэрокар на поляну, которую указала Стефани, и они вышли наружу.

— И ещё пара километров в ту сторону, — сказала Стефани, указывая на северо-восток.
— Извините, но я не нашла для приземления места ближе этого.

— Мы справимся, — заверила ее Дейси, наблюдая, как Стефани проверяет огромный пистолет в кобуре на правом бедре.

Андерс приобрел сфинксианскую привычку всегда носить оружие в чащу, хотя он предпочитал

оружие более скромного размера, и был занят проверкой своего собственного пистолета. С другой стороны, Дейси знала свои пределы. У неё не было опыта обращения с огнестрельным оружием и реального желания его приобретать. Если появится что-то с большим количеством зубов и когтей, она внесёт свой вклад, проворно убравшись с дороги и позволив Стефани разобраться с этим.

— Идёмте, — сказала Стефани, надевая рюкзак на плечи и направляясь через частокольное дерево по тропе, которую она разметила в свой со Львиным Сердцем последний визит.

Андерс и Дейси последовали за ней, и она слышала, как они обсуждали последнюю встречу Калиды Эмберли с Патрисией Хелтон, главой администрации губернатора Дональдсона. Из отношения Хелтон было ясно, что Дональдсон все еще раздражен действиями доктора Уиттакера, но, похоже, он немного успокоился. Она подумала, что то, что доктор Уиттакер отсутствовал на Сфинксе почти пять месяцев, может иметь какое-то отношение к этому.

Было немного странно осознавать, что отец Андерса вернулся в систему Кеничи уже почти два месяца назад. Ей было интересно, как он защищал свою деятельность на Сфинксе. Он произвёл на неё впечатление человека, способного избежать осуждения своих коллег-ученых, но что, если он этого не сделал? Даже если ему удастся использовать свои связи, чтобы поймать ещё одно скоростное курьерское судно для возвращения в Звёздное Королевство, он не сможет вернуться сюда ещё месяц, так что ей с Андерсом осталось немного времени, что бы ни случилось. Но что, если он вернётся только для того, чтобы забрать Андерса и вернуться с позором в университет Урако? Если ему нужно было совершить путешествие на обычном пассажирском судне, у неё и Андерса оставалось как минимум пять или шесть месяцев, прежде чем он исчезнет обратно в Кеничи. Но если ему удастся вернуться на курьерском судне, Андерс сможет отправиться домой в Урако до того, как Стефани вернется с Мантикоры!

Беспокойство по этому поводу ничего не изменит, едко сказала она себе, внимательно наблюдая за любой возможной угрозой. Львиное Сердце вёл их, скользя по частокольному дереву на высоте добрых пятнадцати метров над землей, и она доверяла ему обнаруживать потенциальные опасности задолго до неё, но это не освобождало её от обязанности тоже заботиться о себе и своих товарищах.

Она думала об экспедиции Уиттакера, пока они шли вместе. Если предположить, что доктору Уиттакеру разрешат вернуться, его персонал будет совсем другим, и она думала, что это может помочь. Она подозревала, что то, что произошло шесть месяцев назад, могло на самом деле излечить его от мысли, что он знает, как обращаться со всем лучше, чем кто-либо другой - быть почти съеденным болотной сиреной должно пробудить почти любого. А то, что он больше не будет окружен людьми, зависящими от него в своей карьере, вероятно, пойдет ему на пользу.

Вирджил Ивамото ушел с поста главного помощника доктора Уиттакера и сумел обеспечить проезд для себя и Пеони Роуз, его беременной жены, на борту звездолёта, направлявшегося на Беовульф, примерно через месяц после отъезда доктора Уиттакера на курьерском судне. Современные медицинские и технологические достижения означали, что беременность в условиях высокой тяжести не была такой опасной, как раньше, но Андерс сказал ей, что Вирджил и Пеони Роуз были обеспокоены. Кроме того, они, вероятно, хотели быть рядом со своими семьями в это волнующее время своей жизни, и они едва успевали вернуться домой к родам.

Из благодарности или потому, что он знал, что Вирджил может испортить его репутацию, если решит поделиться определенными историями, доктор Уиттакер освободил его от контракта и дал ему самые высокие оценки. Андерс сказал, что Вирджил получил разрешение на использование данных экспедиции для завершения своей диссертации, заверив, что этот документ привлечёт много внимания.

После отъезда Вирджила старшим участником экспедиции в Звёздном Королевстве стала Калида, хотя казалось вероятным, что Кесия Гайен займет его место когда — и если — доктору Уиттакеру разрешат вернуться. Поскольку специализацией Кесии была лингвистика, а древесные коты были на удивление упрямыми, не давая ей ничего для работы, она решила расширить свои знания. Оказалось, что тип ума, который легко организовывает крошечные детали порядка слов и грамматических правил, также очень хорошо подходит для категоризации мелочей чужой культуры. Кроме того, муж Кесии, Джон Квин, наладил выгодные деловые контакты в Звёздном Королевстве. В отличие от Вирджила, который слишком хорошо осознавал свою зависимость от своего наставника, Кесия, стремящаяся добиться успеха в своей области и защищённая растущими успехами мужа, была ничуть не запугана своим боссом. И, судя по всему, что Стефани видела, два других доктора наук в экспедиции — Калида и доктор Нэц — казалось, видели частью своей работы цель убедиться, что оценка возможной разумности древесных котов выходит за рамки изучения кремневых инструментов, сетей, горшков, корзин и убежищ, составляющих их материальную культуру, что должно служить ещё одним тормозом для периодических приступов чрезмерного энтузиазма доктора Уиттакера.

Если он вернётся, и губернатор Дональдсон и министр Васкес позволят ему остаться, на этот раз он будет вести себя лучше, подумала она, внутренне улыбаясь.

* * *

Андерс шел за Дейси, охраняя тыл и пытаясь подражать очевидной настороженности Стефани. Он завидовал тому, что она выглядела здесь, в кустарниках, как дома, шагая с легкой грацией своих генетически модифицированных мускулов и постоянно осознавая каждый звук, каждое мелькание света. Это был именно тот мир, для жизни в котором она была рождена, подумал Андерс и понадеялся, что действия его отца в прошлом в конце концов не приведут всех их к изгнанию из этого мира навсегда.

Ему не очень хотелось думать об этой возможности, но в последнее время она занимала его все больше и больше. Было очень неприятно, мягко говоря, застрять на Мантикоре, пока Дейси не удалось убедить Калиду вернуться на Сфинкс. Письма и видео — это не то же самое, что разговоры лицом к лицу, хотя он должен был признать, что всегда будет дорожить воспоминанием о том, как Стефани обняла его, когда они наконец вернулись. И что бы ни случилось, у них будет еще как минимум три или четыре месяца вместе, напомнил он себе. И на этот раз на одной и той же планете!

Он улыбнулся при этой мысли, и улыбка стала шире, поскольку он ожидал побыть со Стефани наедине для разнообразия. Дейси исчезнет в своем блокноте для рисования, как только они дойдут до водопада, описанного Стефани, и это даст ему возможность сесть и поговорить со Стефани в уединении, которым они редко наслаждались.

Обычно, когда Стефани вела его или других членов экспедиции в лес, Карл тоже шел с ними. Андерсу очень нравился Карл, но его присутствие действовало устрашающе. Как и Стефани, он часто передвигался без антиграва. Однако у Карла эта способность не была обусловлена генетическими модификациями, а в большей степени была рождена из чистого упрямства. Карл обладал решимостью урожденного сфинксианина иметь возможность перемещаться по своей родной планете, не завися от антиграва. Андерс пробыл на Сфинксе достаточно долго, чтобы знать, что не каждый сфинксианин сделал этот трудный выбор, что усиливало его уважение к Карлу.

Андерс не был уверен, что думает Карл о нем, Андерсе, и о его все увеличивающейся роли в жизни Стефани. Из того, что он слышал (и из того, что говорила сама Стефани), Андерс знал, что после того, как Харрингтоны переехали на Сфинкс, Стефани не завела друзей среди сверстников. Позже появился Львиное Сердце, еще была переписка с людьми, с которыми она знакомилась в сети. Если бы родители не заставили её вступить в клуб дельтапланеризма, Стефани, вероятно, вообще не встречала бы никого своего возраста. Затем пара рейнджеров предложила Харрингтонам научить Стефани обращению с разнообразным огнестрельным оружием. Карла пригласили в качестве наставника, поскольку рейнджеры не всегда были свободны. Оказалось, что у них были другие общие интересы кроме стрельбы по мишеням, и Карл стал первым настоящим другом Стефани на Сфинксе.

Андерс знал, что ей нравился Карл, но Стеф считала его приятелем, а не кем-то ещё. Чего он не мог понять, так это того, что Карл чувствовал к Стефани. Вначале Андерс несколько раз думал, что ему дают сигнал "держись подальше", но потом Карл, казалось, согласился с тем, что Стефани сама решит романтические вопросы, как она поступала во всём остальном.

Пару раз, когда Карл наталкивался на них, когда они не могли делать ничего, кроме как целоваться, Андерсу казалось, что он видел ревность — или, может быть, просто желание защитить — в тёмных глазах Карла.

Мысли о Карле напомнили Андерсу еще одну сложность в его развивающихся отношениях со Стефани. Это была её связь с Львиным Сердцем. Кот был намного большим, чем просто домашнее животное. Андерс думал, что любой, кто проведёт достаточно времени с котами, придёт к выводу, что они разумны, хотя этот разум принял несколько иную форму, нежели у людей. Даже тот, кто, как доктор Уиттакер, предпочитал оценивать расу на основе её материальной культуры, решил бы, что коты умны. На самом деле, единственный оставшийся вопрос — по крайней мере, как это виделось Андерсу — заключался в том, где древесные коты в конечном счёте будут размещены на шкале разумности.

Однако Стефани доверила Андерсу то, что имели возможность узнать очень немногие люди. Она была уверена, что коты, по крайней мере, телеэмпатичны. В меньшей степени — но всё же в достаточной — она была уверена, что они были также и телепатами. Андерсу пришлось согласиться с тем, что с древесными котами происходит что-то, что не поддается визуальному подтверждению. Он видел, как Львиное Сердце, казалось, осознает поток эмоций Стефани. Он также был вполне уверен, что Львиное Сердце может читать людей кроме Стефани, хотя он не был уверен, получает ли кот такое же количество деталей от кого-либо ещё. Стефани утверждала, что Львиное Сердце действительно хорошо разбирается в характерах. Ему ведь нравился Андерс, не так ли? Но он сразу же почувствовал сильную неприязнь к другому инопланетянину, Теннесси Больгео.

Что касается того, были ли коты телепатами… Андерс думал, что Стефани, вероятно, права. У него была возможность наблюдать, как Львиное Сердце и Храбрец действуют сообща, когда это действие подразумевало обмен гораздо большим количеством информации, чем можно было передать в каком-то эмоциональном порыве. Один из лучших примеров — это когда Храбрец, который разделял интерес Джессики к садоводству, потянулся к особому инструменту, который Джессика позаимствовала несколько минут назад. Львиное Сердце подбежал, забрал инструмент у Джессики и передал его Храбрецу. Звукового обмена не было. Храбрец даже не обернулся, так что не могло быть никаких сигналов через язык тела, который, по мнению Кесии, мог бы заменить более сложные вокализации.

Это заставляло Андерса чувствовать себя неуютно, когда он был наедине со Стефани, и все становилось… романтичным. Действительно ли они вдвоём были одни? Насколько древесный кот разделяет реакции Стефани? Как он относится к реакциям самого Андерса? Андерс был полон решимости, чтобы совместные действия его и Стефани оставались в пределах комфортного для Стефани диапазона, но это не означало, что у него не было разных мыслей… Некоторые из них были довольно подробными и довольно наглядными.

Было достаточно неудобно думать, что Львиное Сердце мог уловить часть того, о чём думал Андерс, но что, если древесный кот разделит эти чувства со Стефани? Что она подумает об Андерсе? Оттолкнёт ли её это или напугает? Может ли древесный кот каким-то образом исказить их чувства друг к другу или повлиять на них?

Этих догадок было достаточно, чтобы Андерс останавливался каждый раз, когда он немного увлекался, даже когда он был почти уверен, что Стефани не прочь бы попробовать еще немного. Теперь одна мысль о том, что мог знать или не знать Львиное Сердце, заставляла Андерса чувствовать себя как на иголках.

Он покачал головой, улыбаясь себе и сконцентрировавшись на том, что их окружало.

* * *

— Это великолепно, Стефани! — воскликнула Дэйси Эмберли, когда они подошли к подножию водопада.

Он падал с обрыва в девяносто метров над ними, спускаясь вниз одним длинным потоком с двумя второстепенными водопадами, которые спускались серией ревущих прыжков. Бурлящий бассейн у подножия утеса был не менее пятидесяти метров в поперечнике, его поверхность постоянно была покрыта рябью от мелких капель, конденсирующихся из брызг водопада. Река была двадцати метров шириной, там, где она текла от них, пробиваясь через множество порогов и скользя по глубоким, гладким желобам между поросшими мхом валунами. Фон из деревьев и подлеска — по большей части характерного глубокого сине-зелёного цвета летней красной ели, но кое-где тронутого поцелуями кисти осени — обрамлял его богатым пышным разнообразием цвета.

Было немного трудно расслышать Дейси сквозь ровный, неослабевающий грохот водопада, но на её лице была вся та гамма чувств, на которые и надеялась Стефани.

— На самом деле, это Джессика нашла его, — сказала она пожилой женщине. — Мы с ней составляли с воздуха карту разнообразия растений в имении для мамы. Кто бы мог подумать, что нечто настолько высокое будет трудно увидеть, но эти королевские дубы, — она указала через плечо, — действительно хорошо скрывают водопад с воздуха, если только не найти нужный угол.

— Это впечатляюще, — сказала Дейси, поворачивая голову и поглощая все впечатления от водопада. — А если говорить о королевских дубах, я думаю, это я занимаю лучшую позицию. Если вы, конечно, не возражаете, рейнджер-стажёр Харрингтон!

Она широко улыбнулась, и Стефани усмехнулась.

— Я думаю, что это, наверное, совершенно безопасно, — ответила она. — Смотрите: Львиное Сердце уже проверяет! — Она подняла руку. Дейси проследила за её пальцем и увидела кремово-серое пятно древесного кота, взбирающегося на самый высокий из королевских дубов. — Мы только позаботимся о том, чтобы там не было никого, кто мог бы съесть кого-то из нас, а потом мы с Андерсом найдём хороший наблюдательный пост примерно на полпути. Вы можете подняться на любую высоту, чтобы получить нужный вам угол.

* * *

Лазающий Быстро забрался на возвышающийся золотой лист, исследуя окрестности глазами, ушами, носом и разумом. Он уже понял, что они должны привести сюда Око Памяти, чтобы увидеть водопад, найденный Открытой Ветрам, и он был счастлив, что они это сделали, потому что он любил наблюдать за Оком Памяти за работой.

Никому из Народа никогда бы не пришло в голову создать постоянный образ того, что один из них видел, так как они всегда могли передать это из разума в разум. Из-за этого ему потребовалось больше времени, чем, возможно, следовало бы связать даже движущиеся изображения на ярком плоском устройстве памяти, за которым Погибель Клыкастой Смерти проводила так много времени, сидя перед изображениями, которые он действительно видел. Затем он понял: конечно, бедные, мыслеслепые двуногие никак не могут обмениваться воспоминаниями об увиденном друг с другом. Он был доволен тем, как они умело компенсировали свою неспособность, но образы, созданные Оком Памяти, были ещё более приятными. Возможно, они не были такими точными, и они не двигались, но смотреть на них было всё равно, что смаковать крошечные различия между запомненными двумя из Народа образами одного и того же. Это было бы так, как если бы Око Памяти могла поделиться своим собственным восприятием вещей, изображения которых она запечатлела, несмотря на то, что она была мыслеслепа, и наблюдать, как эти образы оживают под её умными, умелыми пальцами, было почти так же приятно, как пробовать её счастливый, сосредоточенный мыслесвет, когда она работала.

Он и Погибель Клыкастой Смерти сопровождали Око Памяти в нескольких экспедициях, и поэтому он уже догадался, где она вероятнее всего будет сидеть, делая это изображение. Когда Погибель Клыкастой Смерти повернулась и посмотрела на самый высокий из золотых листьев, он понял, что угадал правильно, и почувствовал себя хорошо, быстро взобравшись на огромное дерево. Ну конечно! Разве его клан не назвал его Лазающим Быстро, потому что лазание было одной из тех вещей, которая нравилась ему больше всего на свете?

Он добрался до широкой развилки одной из ветвей и остановился, оглядываясь назад, на путь, по которому пришел. Он решил, что это подойдет Оку Памяти. Ветка была достаточно широкой, чтобы ей было удобно сидеть или стоять, была защищена от слишком большого количества прямых солнечных лучей, и весь водопад был хорошо виден. Он не заметил никаких признаков опасности, поэтому поспешил к концу ветви, сел на свои настоящие ноги и махнул своей настоящей рукой Погибели Клыкастой Смерти.

Он не мог заставить её слышать свой мысленный голос, но он знал, что она будет наблюдать за ним через далековидящую вещь, которую она несла за поясом, и он почувствовал её понимание, когда поманил её и других двуногих. Она помахала в ответ, и он устроился на своём светлом проветриваемом насесте в ожидании.

* * *

— Как ты думаешь, долго она будет рисовать на этот раз? — спросил Андерс, ухмыляясь Стефани, пока они сидели на своей ветке, в двадцати метрах ниже Дейси, и, прислонившись спиной к огромному стволу королевского дуба, делили термос с лимонадом, который приготовила Марджори Харрингтон.

— До тех пор, пока не уйдет свет, наверное, — откликнулась Стефани с ответной ухмылкой. Она очень полюбила Дейси Эмберли, но наличие матери, тоже художницы, дала ей кое-какое представление об этом типе людей.

— Да, вероятно, ты права, — согласился Андерс.

Он огляделся, полностью наслаждаясь солнечным светом и прохладным бризом, пронизывающим листья королевского дуба. Он, возможно, не был бы так счастлив, сидя на таком большом расстоянии от земли, если бы у него не было собственного антиграва, но он привык лазить по деревьям здесь, на Сфинксе. В конце концов, Стефани и Львиное Сердце, казалось, проводят как минимум треть своего времени на верхушках деревьев!

Мысль о древесном коте привлекла его внимание к тому месту, где Львиное Сердце держался за ветку прямо над Дейси, внимательно наблюдая через её плечо за её работой. Он знал, что Львиное Сердце любит смотреть, как Дейси рисует, и думал, насколько он сейчас сосредоточен на эмоциях Дейси, а не Стефани. Мог ли он отвлекаться от эмоций своего человека или связь между ними — чем бы она ни была и как бы она ни работала — всегда была в центре его внимания? Этот вопрос не раз занимал Андерса, но во многом он был ему благодарен, поскольку никто не возражал, когда он и Стефани вместе отправились в поход, даже без Карла. Судя по всему, они решили, что Львиное Сердце был подходящим сопровождением.

И я думаю, что это так, с сожалением подумал Андерс. Даже если Стефани решит пригласить меня... ну... сделать больше, чем мы делали, я не думаю, что буду пытаться. Я видел записи того, что Львиное Сердце и его семья сделали с гексапумой. Я действительно не хочу, чтобы он решил, что я представляю его человеку какую-то угрозу.

Однако сегодня казалось, что Стефани думала о чём-то другом, кроме обычных исследований местной дикой природы и друг друга. Он не смог бы точно сказать, что бы это могло быть, но несколько раз ему казалось, что её обычная улыбка казалась немного более искусственной,

чем всегда. Сейчас она быстро взглянула на него, и улыбка исчезла. Затем Стефани потянулась, чтобы взять его за руку, и Андерсу не нужно было быть телепатом, как и телеэмпатом, чтобы понять, что она ищет утешения, а не приглашает в объятия.

Его брови нахмурились, он искал способ спросить, что случилось, не подразумевая, что она вела себя немного странно, но в этом не было необходимости.

— Андерс, — спросила она, — что ты чувствовал, когда понял, что у тебя есть шанс поехать на Сфинкс?

Андерс был удивлён. Они уже говорили об этом раньше, сравнивая записи о своих различных поездках на другие планеты, и тогда, похоже, это её не беспокоило. Почему это должно её волновать сейчас? Если только...

Поняв, что разговор идёт к чему-то другому, он честно ответил:

— На самом деле был вполне счастлив, правда. Ты знаешь, я тогда уже интересовался древесными котами. Это был мой шанс увидеть их — не в записях, не пленников, которых приводят для показа, — а там, где они живут. Я был очень воодушевлён.

— Ты не нервничал из-за того, что поедешь в незнакомое место?

— На самом деле, нет. Я имею в виду, что я ехал не один. Да, папа может быть слишком погружён в свою науку, но если бы у меня были проблемы, он был бы рядом. В любом случае, несмотря на впечатление моей мамы, что колониальный мир будет довольно отсталым, я знал, что Сфинкс на переднем краю во многих отношениях.

— Мантикора еще более продвинутая, — сказала Стефани. — Я не была там с тех пор, как мы там останавливались по дороге на Сфинкс. Мне было всего десять, я только что приехала с Мейердала, так что тогда мне не показалось всё слишком большим. Теперь я знаю, что многие люди на Мантикоре думают, что люди со Сфинкса — настоящие деревенщины.

— Некоторые, вероятно, думают, — ответил Андерс. — На самом деле я не помню, чтобы кто-то говорил мне что-то подобное, но большинство людей, с которыми я разговаривал, знало, что я с другой планеты. Они, вероятно, не стали бы говорить о своих соседях незнакомцу. — Он слегка улыбнулся. — Но я не думаю, что большинство из них так думает.

— Нет? — Стефани на мгновение посмотрела в сторону. — Знаешь, я чувствовала что-то похожее, когда мы только приехали сюда. Во всяком случае, до тех пор, пока я не встретилась со Львиным Сердцем. Так что, думаю, не было бы ничего удивительного, если бы кто-то на Мантикоре так думал. Или если... если они могут, я не знаю... смотреть на кого-нибудь со Сфинкса свысока, если они столкнутся с ними, гуляющими по Лэндингу, или что-то в этом роде.

Андерс внезапно понял значение её несколько беспорядочной речи.

— Ты получила шанс поехать на Мантикору? Это действительно круто, Стеф. Мне очень понравилось там, за исключением того, что ты была на другой планете. Думаю, тебе это действительно понравится! Что это такое? Какая-то образовательная поездка? Может быть, соревнование?

— Можно сказать и так, — согласилась Стефани. Она глубоко вздохнула, а затем слова полились из неё потоком, и она рассказала Андерсу о встрече её и Карла с главным рейнджером Шелтоном.

Андерс слушал сначала с восторгом, а затем — когда он понял, как долго Стефани будет отсутствовать — с растущим беспокойством. Он пытался скрыть свою реакцию. Андерс был уверен, что Стефани не догадывалась, что он чувствовал, но был почти уверен, что если бы Львиное Сердце обращал внимание на них, а не на Дейси, он бы не был обманут.

Стефани закончила свой рассказ на какой-то задыхающейся ноте, как будто она подавила рыдания. Последнюю часть она рассказывала, глядя на какую-то точку на ветке дерева возле её правой ноги. Андерс протянул руку и развернул голову Стефани, чтобы увидеть её лицо. К его изумлению — Стефани была королевой самоконтроля — её карие глаза тонули в непролитых слёзах.

Он подумал, что она отодвинется, но вместо этого Стефани обняла его и сжала до боли в костях: это демонстрировало, что на этот раз она забыла о своей собственной силе. Андерс старался не показать, что задыхается, и обнял её так сильно, как только мог.

— О, Андерс! Андерс! Что мне делать? Я подумала, что, может быть, мама или папа будут против, но насколько я могу судить, если я захочу, они меня отпустят. Но ты только что оттуда вернулся! И... и мы ещё не знаем, как долго ты вообще пробудешь здесь, в Звёздном Королевстве! Как я могу сказать им, что не хочу уезжать, потому что не хочу оставлять тебя?!

Она ослабила объятия, чтобы посмотреть на него. Чтобы отдышаться, Андерс слегка поцеловал её. Затем, изо всех сил стараясь не показывать, как он сам запутался в чувствах, он усадил Стефани рядом с собой и обнял.

— Я тоже не хочу, чтобы ты уезжала, Стеф. Но я полагаю, что ты сама не знаешь, чего хочешь на самом деле.

Стефани проглотила что-то среднее между рыданием и смехом. — На самом деле я знаю. Абсолютно. Я хочу поехать и пройти этот курс, и я хочу остаться с тобой здесь, на Сфинксе. Поскольку это невозможно, мне придётся сделать выбор.

Андерс прижал её к себе. Он немного подрос за последние шесть месяцев, а Стефани нет. Рядом с ним она чувствовала себя обманчиво хрупкой и нежной, как птенец.

Стефани хрупкая и нежная, подумал он. Может, не телом, а душой — это важно. Я должен помочь ей принять правильное решение, иначе что-то может сломаться — и вместе с этим всё, что есть между нами.

— Мы никогда серьёзно не говорили о том, что мы с разных планет — и что это значит для "нас", — начал он.

Стефани шмыгнула носом. Когда она отстранилась ровно настолько, чтобы иметь возможность смотреть ему в лицо, Андерс увидел, что она перестала плакать.

— Нет, — согласилась она. — Я думаю, мы как раз собирались это сделать, когда твой отец решил, что ты можешь остаться здесь, в Звёздном Королевстве, пока он вернется на Урако. Думаю, я не хотела спугнуть хорошие новости. Может, я просто надеялась, что отсрочка продлится.

Андерс усмехнулся, но быстро стал серьезным.

— Да. Я тоже. Но дело в том, что папа достаточно хорошо знает, как работает система в университете, и я действительно думаю, что есть вероятность, что он сможет получить гарантии, которые хотят губернатор Дональдсон и министр Васкес. Если он это сделает, они могут даже продлить его контракт, оставить нас здесь дольше, чем кто-либо из нас думал. Но так или иначе — ты едешь на Мантикору, я возвращаюсь на Урако — мы собираемся разделиться. Даже если контракт отца будет продлён до тех пор, пока я не достигну совершеннолетия, я должен уехать, чтобы увидеть свою маму. Мы уже были в разлуке, пока я был на Мантикоре, а ты была здесь, на Сфинксе. Правильно?

Стефани кивнула. — Правильно. Но нужно ли нам ускорять расставание? Что если я вернусь с Мантикоры, а тебе нужно будет уехать в Урако через месяц? Что если ты получишь сообщение от отца, в котором он просит тебя вернуться домой в следующем месяце, пока я застряну на другой планете? Мы бы зря потратили то время, которое могли бы провести вместе!

Андерс обернул прядь её волос вокруг пальца. — Я сомневаюсь, что даже мама наймёт частного курьера только для того, чтобы передать мне, чтобы я вернулся домой. Так что нас, вероятно, ожидает ещё как минимум четыре месяца, прежде чем мне придется уехать — и нам, вероятно, придется подождать ещё месяц, по крайней мере, прежде чем найдётся пассажирское судно, идущее в правильном направлении. Так что в худшем случае у нас будет ещё пара месяцев после того, как ты вернёшься домой. И если папе удастся убедить всех позволить ему вернуться и остаться, мы будем здесь по крайней мере до тех пор, пока снег не сделает раскопки невозможными. Это даст нам восемь, девять или даже десять месяцев. Потом да. Мне нужно будет уехать.

— А если ты ошибаешься? Еcле тебе придется уехать раньше?

— Подожди минутку с моим отъездом, — сказал Андерс. — Прежде чем мы продолжим, я должен кое-что сказать. Буду честен. Я не хочу, чтобы ты ехала на Мантикору. Я действительно не хочу. Но я также не хочу, чтобы ты осталась из-за меня. Я думаю, что в

конце концов это испортит всё, что у нас есть. Карл вернётся со своим сертификатом или значком, и ты подумаешь — это могла быть я. Хуже того, ты подумаешь — это могла быть я, и я упустила шанс стать самой молодой из всех, кто получил этот значок. Андерс удержал меня, а вот тот же самый Андерс садится на корабль и улетает домой.

Стефани вздохнула. — Ты слишком хорошо меня знаешь… Я думала обо всём этом. Думаю, я могла бы почувствовать это, если бы не подумала об этом заранее, но теперь я принимаю решение, заранее зная, какой будет сделка. Не думаю, что я так малодушна, что буду возмущаться сделкой, которую совершила, ну, зная, на что иду.

— Я понимаю это, Стеф. Иногда ты можешь быть импульсивной, но малодушной — никогда. Но ты должна учитывать, что упустишь уникальную возможность. — Андерс ненавидел слова, которые складывались в его собственном рту, но он знал, что должен сказать их, иначе он был бы лицемером. — Раньше ты пыталась создать впечатление, что этот учебный курс не разовая возможность, но знаешь ли ты это точно?

Стефани нахмурилась. — Я хочу быть членом СЛС. Это часть обучения СЛС. Конечно, будет другой шанс.

— У тебя будут трудности, — сказал Андерс. — Ты точно знаешь, что я имею в виду. Тебе пятнадцать лет и сколько... восемь месяцев? Главный рейнджер Шелтон ясно дал понять, что он должен был спорить, чтобы тебя включили. Что, если станет известно, что ты отклонила предложение, потому что была одержима каким-то парнем? Насколько серьёзно к тебе отнесутся? Полагаю, не очень. Они решат, что ты одна из тех ярких вундеркиндов, которые сгорают в молодости, или, что ещё хуже, одна из тех девушек, которые преуспевают в каком-то хобби, пока не откроют для себя парней.

Стефани поморщилась. Это попало в цель. Недавно её соперница по планерному клубу Труди Франчитти ушла, сказав, что у неё есть более интересные дела, чем играть в бабочек с кучей детей. То, что её непостоянный приятель, Стэн Чанг, сказал за несколько недель до этого, ясно давало понять, какие это "более интересные дела".

— Ты говоришь, что у меня может не быть другого шанса до следующего года. Но у меня может не быть шанса, пока я не попаду в СЛС.

— Верно, — согласился Андерс. — Хуже того, может быть, придётся ждать, пока тебе не будет больше двадцати, чтобы получить ещё один шанс. Сейчас ты рейнджер-стажер. СЛС только что расширила свои ряды и начала активный набор сотрудников, так что в следующем году появятся новые помощники рейнджеров. Это началось только потому, что сезон пожаров этом году был настолько плохим, что главный рейнджер Шелтон не может отпустить ни одного из своих штатных сотрудников. Я бы сказал, что это уникальное предложение, пока ты не станешь хотя бы помощником рейнджера или даже полным рейнджером. Правильно?

Стефани прикусила нижнюю губу. — Я понимаю, о чем ты говоришь, но, Андерс — ты тоже уникальное предложение! Я слышала твоего отца. Он действительно гордится тем, что ты

сделал, самостоятельно обучаясь здесь, но он хочет, чтобы ты закончил школу на Урако, чтобы ты мог подать заявку в университет, пройти собеседование, пройти интернатуру и тому подобное.

Андерс почувствовал спокойствие, как иногда бывало, когда он помогал доктору Эмберли или доктору Нэцу сортировать образцы. Его сердце все еще колотилось, разрываясь от мысли, что Стефани действительно может улететь на другую планету. В некотором смысле то, что они уже пережили такую разлуку, только усугубил ситуацию. Он думал, что если он не будет осторожен, то заплачет, но, к счастью, сохранил хладнокровие.

— Так ты согласна с тем, что я должен получить хорошее образование? Поступить в колледж. Всё это?

— Конечно! Ты умный! Ты далеко пойдешь!

Андерс нагнулся, чтобы снова поцеловать ее, на этот раз мягко, нежно, в губы.

— Тогда, Стефани, моя дорогая, как я могу желать меньшего для тебя? Тебе нужно отправиться на Мантикору. Это действительно наш единственный выбор.

http://tl.rulate.ru/book/45520/1078280